

Новая семья (в заднем ряду наш единоутробный брат Вовка и наша няня). 1954 г.

Дом в переулке Олега Кошевого (на крыше отец занят мелким ремонтом). 1957 г.

Но вернемся в Киргизию, во Фрунзе. Отсюда он уходит на фронт и участвует в боях на подступах к Москве. Заместитель командира роты автоматчиков 385-й стрелковой дивизии. Об этом периоде мы знаем мало. Наши родители оба не любили рассказывать про войну. От матери мы знали только, что на войне много вшей. А у отца сильнейшее впечатление: за все фронтовые месяцы – а его ранило на Смоленщине 22 февраля 1942 года – ни разу не видел наших самолётов, только немецкие. Ранение было осколочное и удачное:

касательное в брюшную полость навывлет, и разбита кисть правой руки. Жив, но к строевой службе непригоден. Госпиталь в Калуге, в Казани, потом – домой. Как офицер запаса, служил военруком и учил молодежь стрелять из мелкокалиберной винтовки. Благодаря этому его семья не сильно голодала в военные годы – из каждых пяти выданных для учёбы патронов он оставлял один себе. И мог потом выйти с мелкашкой в поле пострелять ворон для пропитания. Дело весьма непростое: ворона – птица умная и быстро научается отличать винтовку от палки и держаться на расстоянии выстрела.

После войны они встретились с нашей мамой. Он работал в педучилище, а она была студенткой. В начале пятидесятых был построен дом, вы можете видеть его на фотографии. Мы это время помним. На стенах висели его цветные карандашные эскизы, заправленные в самодельные паспарту, это были киргизские горы. Горы узнаваемы. Видно, откуда течет Аламедин, откуда Ала-Арча.

А наш дом стал неузнаваем с тех пор, как мы оставили его в 1993-м. Он теперь – богатый дворец...

Мы не рассказали о многом. О том, что свой дом отец строил по собственным чертежам; что сам делал тепловой и гидравлический расчёт системы автономного водяного отопления в доме; что умел нам объяснить суть различий между бессемеровским и мартеновским процессами выплавки стали. Филологическое образование Таврического университета вполне было достаточным для всего этого. Не рассказали о том, как в разбойное лето 53-го года дежурил по ночам на подоконнике с вилами в руках, охраняя дом от уголовников, после известной массовой амнистии. Как из ватмана, фольги и горючей киноплёнки конструировал нам действующие реактивные самолётики. Какие прекрасные вина делал из вишни и собственного винограда; какой высочайшей очистки готовил

самогон, а сам крепких напитков в рот не брал. Как мечтал бросить курить и как мечтал выиграть по лотерейному билету. О том, что он как подписчик на газеты и журналы был рекордсменом в нашем почтовом округе – выписывал более двадцати изданий, в том числе «Технику – молодёжи», «Юный натуралист» (для детей) и «Мугалимдер газетасы». О том, как темпераментно следил за событиями в стране, как аргументировано и остроумно негодовал, наивно полагая, что все беды наши в сталинское время – от злодейства, а после Сталина – от недомыслия. Как переживал, что на Луну высадились американцы, а не мы. Как откликался на острые дискуссии и писал статьи о социальных и нравственных аспектах пересадки органов или об оплате труда учёного. Не рассказали как при участии студентов-заочников – это его любимая категория студентов! – а также при участии нашем и соседских детей создавался его первый в мире – а на базе русского языка он единственный до сих пор – частотный словарь детской речи, без которого нельзя было построить хорошую методику преподавания языка. И как создавалась эта Методика преподавания русского языка в киргизской школе, по которой учились многие поколения учителей-русистов Киргизии.

Всё это происходило уже на наших глазах и потому лишено покрова тайны, и потому не увлекательно. На нашей памяти он уже не брал в руки кисть и карандаш и почти не играл на скрипке. Последний рисунок сделан в 1954 году – спящая дочка Вера.

Ближние горы: слева ущелье реки Аламедин, справа – Ала-Арчи. 1937 г. (цветной карандаш)